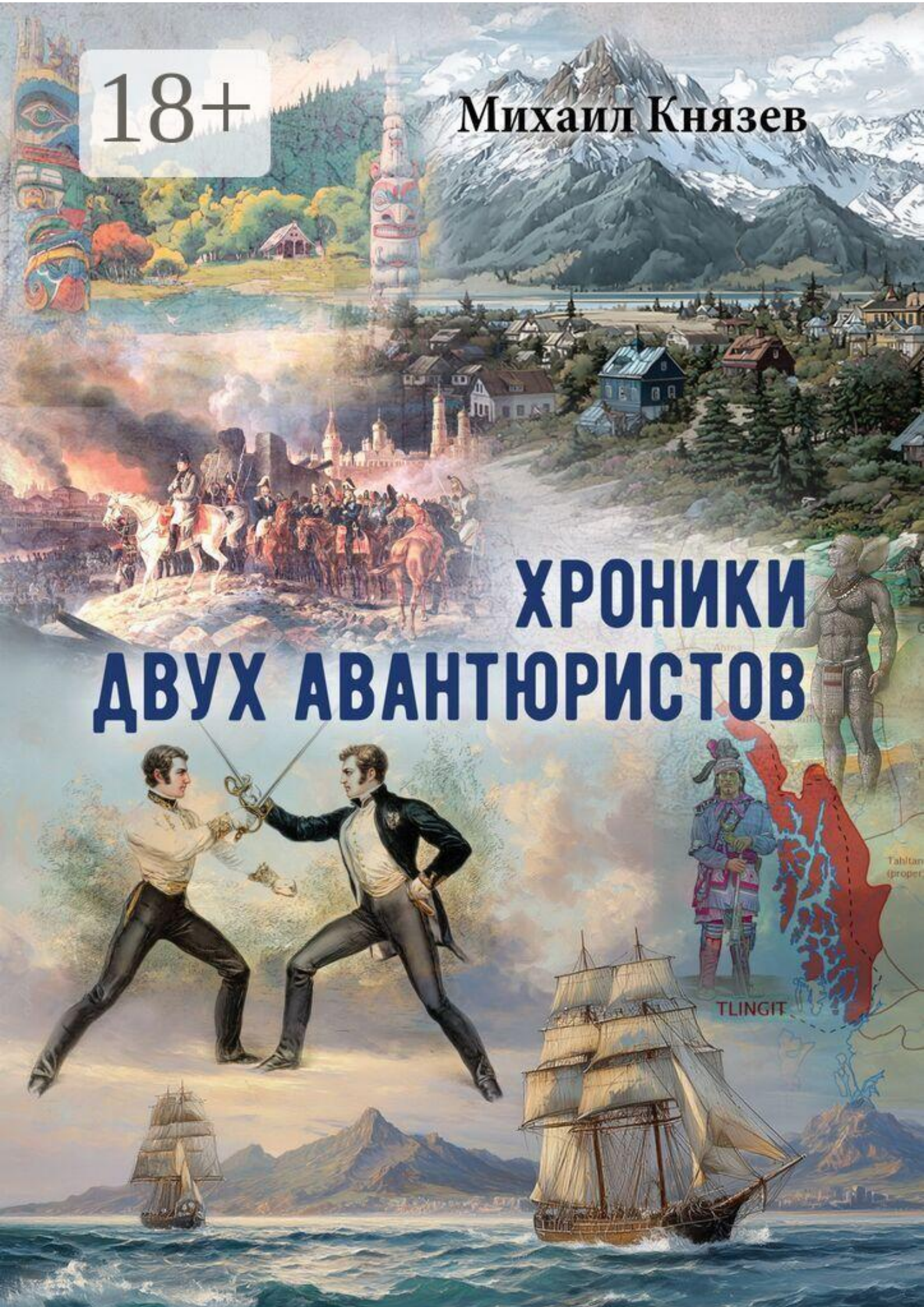

18+

Михаил Князев

ХРОНИКИ ДВУХ АВАНТЮРИСТОВ

Михаил Князев

Хроники двух авантюристов

«Издательские решения»

Князев М.

Хроники двух авантюристов / М. Князев — «Издательские решения»,

Действие романа происходит в начале XIX века. Россия осваивает новые земли (Камчатку, Русскую Америку), ее корабли совершают кругосветные экспедиции. Два главных героя (у них есть реальные прототипы) — аристократы, авантюристы, искатели приключений. В реальности они никогда бы не встретились, но оригинально построенный сюжет заставляет их жизненные пути пересекаться, сталкивая героев в самых неожиданных местах, в самых драматических ситуациях. Каждая встреча вышибает искры борьбы, соперничества.

© Князев М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хроники двух авантюристов

Михаил Князев

*Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь как в туман
От пролога к эпилогу.*

*В путь героев снаряжал,
Наводил о прошлом справки,
И поручиком в отставке
Сам себя воображал.*

*Вымысел не есть обман.
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
До последнего листочка.*

Б. Окуджава

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Михаил Князев, 2026

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3303-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Параллельные не пересекаются — это мы хорошо знаем из школьной программы по геометрии. Но это в идеальном евклидовом пространстве. Жизни же человеческие проходят в гораздо более сложном мире. Ниточки судеб людей выются порой так замысловато, что жизненные дорожки совершенно разных людей, даже разнесенных во времени друг от друга на десятки лет, могут оказаться и параллельными, и пересекающимися.

У обоих главных персонажей этого романа есть реальные прототипы, жившие больше двух столетий назад. Кто они? Пусть это будет загадкой до той поры, пока читатель сам не «вычислит» их. В прочем, это будет сделать не так сложно.

Между ними очень много общего: они оба аристократы, оба бесшабашные авантюристы, задиры и искатели приключений. Обоим было немного за двадцать, у обоих интересующий нас период — бурный период их приключений — был длиной примерно в десять лет, и эти отрезки их жизни, которые нам особенно интересны, и у того, и у другого географически связаны с одними и теми же местами (в этом смысле их можно считать параллельными). Подчеркнем — это очень важно — многие их приключения, как это ни удивительно, происходят в одних и тех же местах.

У обоих интересно и затейливо выются линии жизни, которые даже по отдельности прямо таки просятся на страницы увлекательного историко-приключенческого романа. А уж если взять обе эти линии, переплести их, свести этих двоих в соперничестве, столкнуть в соревновании за успех, за победу, за саму жизнь, то будьте уверены — искры полетят во все стороны! Из такого переплетения двух интереснейших судеб может получиться увлекательнейший сюжет авантюрного романа.

Именно эта мысль подтолкнула автора к решению приступить к работе над этим романом — не пропадать же такой интересной сюжетной идее!

Вот только была одна маленькая проблема: реальные прототипы этих двух главных персонажей разделены во времени. Да, их приключения происходят в одних и тех же местах, но... в разное время. Их разделяет приблизительно сорок лет (точнее — тридцать шесть). Как с этим быть?

А что, если взять и разрезать, словно ножницами, ткань времени в определенном месте и, как полоски материи, сдвинуть эти эпохи, наложив друг на друга? Тогда можно совместить время одного и время другого персонажа. Только сделать этот сдвиг надо так, чтобы совместить те точки во времени, когда наши персонажи оказываются в одном и том же месте в пространственном измерении, но в разное время. Эта разница во времени и даст нам ту величину, на которую нужно сдвинуть ткань времени.

Этому воображаемому сдвигу времени способствует и то, что два века назад жизнь менялась не так быстро, как сейчас. Сравните нашу жизнь сейчас, в 20-ые годы XXI века, и 30—40 лет назад: перемены в повседневной жизни людей огромны — тогда даже смартфонов и мобильного интернета не было, а ведь без них сейчас невозможно представить нашу повседневность. А если сделать это же двумя веками раньше? Мы обнаружим, что в обычной жизни людей мало что изменится. Много ли вы найдете различий в приметах времени, скажем, 1805 года и 1770 года? Их почти нет. Так что такой сдвиг во времени можно смело сделать.

Что в результате получится? А то, что затейливо выющиеся линии жизни этих двух персонажей совпадут по времени и переплетутся в пространстве, возникнут точки их пересечения. В этих точках, на пути к этим точкам и будут происходить основные события романа — встречи главных героев, их столкновение, борьба, когда от их соперничества будут во все стороны лететь искры!

Да, в этом случае один из персонажей будет действовать в то время, в котором его реальный прототип никак не мог оказаться. Но автор художественного произведения пишет не документальный исторический труд, где историческая правда — непреложный диктат. Здесь у автора совершенно другая цель — создать интересный, увлекательный сюжет.

Конечно, желательно, чтобы действие в нем развивалось на таком историческом фоне, который максимально приближен к реальности. И всё же, при необходимости, диктуемой развитием сюжета, автор в праве допускать определенные вольности в обращении с историческими фактами. Главное здесь — не переборщить, не переходить ту грань, за которой вольность автора становится чрезмерной, и реальность в романе отрывается от исторической реальности, становится фальшью.

Еще одну художественную вольность хочет позволить себе автор: немного изменить, подкорректировать характеры главных действующих лиц, сделать их более соответствующими сюжетным перипетиям: что-то подретушировать, что-то выделить поярче, что-то наоборот — притушить.

В этом случае, при описании действующих в романе главных персонажей, автору придется отойти от конкретных исторических личностей — прототипов этих героев. Это будут уже другие люди, а значит, автору надо подумать о том, чтобы дать им другие имена. Отсюда для читателя и возникает та, уже упомянутая выше, не слишком сложная загадка — догадаться, кто же из реальных исторических личностей скрывается за вымышленными именами главных героев, в чьи головокружительные приключения читатель окунется на страницах этого романа.

Ну так как? Как быстро вы разгадаете эту загадку?

Глава 1

К новому месту службы

В большой квартире графа Ивана Андреевича Тонкова на Мойке, которую семья снимала во время визитов в столицу, было тихо. Все ее обитатели словно попрятались по своим углам и, казалось, даже ходили на цыпочках — барин был не в духе.

Семейство графа было немаленьким, однако здесь, в Санкт-Петербурге, было немногочисленно — Иван Андреевич редко брал с собой в поездки в столицу всё семейство. Теперешнее состояние семьи было таково, что не позволяло шиковать. А ведь, если везти с собой сюда из провинции всех домочадцев, с прислугой и выездом — это ж какие расходы!

Фамилия графа была вполне знатной, но небогатой. Сказалась несчастливая семейная черта рода, передающаяся по мужской линии — строптивый, неуживчивый, скандальный характер. Вот и старый граф, отец Ивана Андреевича, из-за нее (но, конечно, не только) попал в опалу и был отодвинут от двора императрицы Анны Иоановны. А это не способствовало процветанию рода Тонковых.

В этот визит в столицу Иван Андреевич взял с собой только супругу Анну Фёдоровну и минимум прислуги. Повод был невеселый — надо было в очередной раз «отмазывать» старшего непутевого сына Андрея от очередной неприятности, в которую он вляпался — семейная черта отчетливо проявилась и в нем.

Пришлось графу Ивану Андреевичу идти на поклон к старым влиятельным друзьям и родственникам, поднимать прежние связи. Среди друзей, с кем он ходил в славные походы при матушке императрице Екатерине II, были такие, кто хорошо поднялись в табели о рангах и теперь, при ее внуке — молодом императоре Александре, занимали важные посты в разных ведомствах, в том числе и по воинской, служилой линии. Вот к ним-то граф Тонков и обратился — порадеть за родного сына.

В военной коллегии был неприятный разговор, в котором ему рассказали, чем отличился его отпрыск: снова ссора, драка в кабаке, опять дуэль со старшим по званию. Ладно бы помахали шпагами немного или пульнули пару раз друг в друга из дуэльных пистолетов и разошлись. Так ведь нет! Пролилась кровь — подпоручик Тонков ранил поручика Дорошина. Хорошо, не смертельно. Но дело усугублялось тем, что это было уже не в первый раз — за Андреем Тонковым закрепилась нелестная репутация скандалиста и дуэлянта.

Иван Андреевич старался как-то представить сына в выгодном свете: успешная служба в элитном лейб-гвардии Преображенском полку, во время службы показал себя отличным стрелком и храбрым бойцом, хладнокровно и решительно действовал в бою, после окончания кадетского корпуса был быстро произведен в подпоручики.

Однако, видимо, чаша терпения военного начальства переполнилась, и в этот раз подпоручику грозил серьезный приговор. Спустить дело на тормозах, как это удавалось раньше благодаря заступничеству отца, уже не удастся — подпоручику грозило разжалование в рядовые и отправка в Сибирь.

Единственное, что смог сделать граф Иван Андреевич — смягчить приговор. Обошлось без разжалования. Но начальство всё-таки решило отправить скандального подчиненного с глаз долой, подальше от столицы, и подпоручику Тонкову предстояло отправиться к новому месту службы, но не на восток, в Сибирь, а наоборот — на запад, в ту часть бывшей Речи Посполитой, которая после раздела отошла к Российской империи¹.

---

¹ Третий раздел Речи Посполитой произошел в 1795 году, в результате которого Пруссия, Австрия и Россия поделили ее

Обстановка там до сих пор, хотя прошло уже восемь лет, была беспокойной, тревожной. Еще была свежа в памяти резня в Варшаве во время восстания Костюшко в 1794 году, когда коварные поляки на Пасху вырезали почти весь русский гарнизон и сочувствующих им гражданских. Даже своих — поляков — не жалели. Войска по приказу Екатерины II тогда жесткой рукой Александра Васильевича Суворова в конце концов навели порядок, но, чувствовалось, что поляки затаили недобрые чувства к русским, и надо было укреплять присутствие России на этих территориях.

Вот с одним из отрядов, который отправлялся туда с этой целью, и предстояло отправиться подпоручику Андрею Тонкову.

Перед отправкой к новому месту службы милосердное начальство отпустило подпоручика из расположения полка попрощаться с родителями. По заснеженным и уютным улицам февральского Санкт-Петербурга на извозчике Андрей добрался до Мойки.

Встретил его старик Митрофаныч, старый добрый Митрофаныч, стряхнул снег с запорошенной офицерской шинели. Андрей тут же снял её и кинул ему на руки. Как обычно Митрофаныч что-то недовольно пробурчал себе под нос. Это было его характерное поведение по отношению к молодому барину — всё время быть чем-то недовольным.

Вообще-то он любил Андрея, который рос у него на глазах. Просто он считал, что детей надо воспитывать в строгости и ни в коем случае не хвалить. Из маленького хулигана, частенько устраивавшего довольно злые проделки со стариком Митрофанычем, Андрей с годами превратился в молодого человека вполне приятной наружности — брюнета, ростом выше среднего, с правильными чертами лица, выдающими в нем породу, с характером «прости меня, господи» — как говаривал Митрофаныч.

Сейчас, входя в квартиру, где его ждали родители, Андрей, конечно, предвидел, что отец будет крайне рассержен на него и обязательно выскажет всё своё недовольство, но, тем не менее, он не чувствовал за собой никакой вины. Скорее — досаду от того, что сейчас придется, как нашкодившему щенку, стоять перед отцом и виниться. Граф был всегда строг со своим старшим сыном, Андрей с детства его побаивался, так что, как это было ему ни неприятно, а извиняться придется.

Отец с маман встретили его в гостиной. Иван Андреевич в сюртуке полувоенного покроя стоял, прямой как столб, с каменным лицом. У Анны Федоровны глаза были на мокром месте. В руках она нервно теребила платок, время от времени прикладывая его к уголкам глаз.

Андрей вошел в гостиную твердой походкой, молча остановился перед отцом с матерью. Под строгим взглядом графа опустил глаза.

— Ну, здравствуй, сын, — в голосе Ивана Андреевича слышались железные нотки.

— Здравствуйте, папа, мама... Простите меня, — не поднимая глаз, Андрей заставил себя сказать эти слова извинения, чтобы сразу покончить с этим.

Графиня бросилась к сыну, обняла его, тихо заплакала.

— Ну, полно, полно... — сказал граф, обращаясь к супруге.

Анна Федоровна отпустила сына, и тот снова предстал перед отцом, чуть склонив голову.

— Ну-с, что будешь делать дальше? — Иван Андреевич немного смягчил тон, давая понять тем самым, что принял извинение. — Я надеялся, служба как-то исправит твой дурной характер. Но судя по всему, этого не случилось. Может быть, там, в войсках, вблизи реальной опасности, когда враг может скрываться за каждым углом... Может быть, хоть там ты поймешь, что риск риску — рознь. Дуэли — это пустая, бессмысленная бравада, позерство. А ты попробуй подставить грудь под пулю не ради фанфаронства, а ради Императора, во славу Отечества!

— Отец! — Андрей поднял голову и посмотрел Ивану Андреевичу прямо в глаза. — Будь уверен, я не посрамлю фамилию графов Тонковых. Буду служить царю и Отечеству верой и правдой. — Эти слова подпоручик Тонков сказал совершенно искренне.

На следующий день туманным февральским утром 1803 года молодой будущий граф, подпоручик Андрей Иванович Тонков, двадцати одного года от роду, отбыл к месту новой службы.

Зиму в европах и зимой-то назвать сложно — так... недоразумение какое-то. Ни сугробов под крышу, ни трескучих морозов. Зато начало весны радовало. В Минске в марте к тому моменту, как туда прибыл подпоручик Тонков, стояла уже по-настоящему весенняя погода.

До Минска Андрей добирался самостоятельно на перекладных. Ему предстояло догнать свой отряд, к которому он приписан, и который выступил обычным пешим порядком уже давно, и теперь подпоручик все время понукал очередного извозчика: «Давай, братец, давай! Не спи — погоняй!»

В Минске он его догнал, но задержался здесь ненадолго. По распоряжению военного начальства отряд и подпоручик Тонков вместе с ним должен был отправиться дальше на юго-запад в небольшой городок Луцк, то ли малороссийский, то ли польский, то ли теперь уже русский — понять было сложно, так тут всё было перемешано. Еще и австрийцы были совсем рядом, что не добавляло спокойствия тамошнему небольшому военному гарнизону русских, на усиление которого и следовал отряд, в составе которого подпоручик Тонков командовал полуротой.

Переход до Луцка занял еще пару недель, так что к новому месту службы подпоручик прибыл к концу марта. В дороге обошлось без происшествий — обычная походная солдатская жизнь. Андрей перезнакомился с офицерами, присмотрелся к рядовому составу, так что к моменту прибытия в Луцк он уже считался вполне своим среди солдат, не чужаком.

Городок оказался вполне симпатичным — со старинным замком, с католическими соборами, с костёлом и лютеранской кирхой, с православными храмами. Андрею особенно понравился не так давно построенный в барочном стиле большой православный Свято-Троицкий кафедральный собор. Была здесь и большая хоральная синагога, расположенная в одном из еврейских кварталов города, и имевшая вид миниатюрной крепости с башней.

«Однако, какое смешение религий — прямо вавилонское...» — заметил про себя в связи с этим подпоручик.

Отряд, с которым следовал Андрей Тонков, прибыл в Луцк к вечеру. Гарнизон стоял в старинном замке Любарта. Скорее это был даже не замок, а довольно внушительная крепость, способная выдержать натиск небольшой армии. Замок располагался на высоком берегу местной речушки Стирь, доминируя над городом.

Расквартировались. Русские офицеры занимали здание шляхетского дома, примыкавшего к крепостной стене Окольного замка — так называлась южная часть замка, в отличие от основной части — Верхнего замка. Вновь прибывший подпоручик Тонков разместился там же. Нижние чины и солдатики разбили лагерь во внутреннем, довольно обширном дворе замка, но всё же большая их часть расположилась снаружи, по обе стороны дороги, ведущей к Въездной башне замка.

Городок казался тихим и спокойным с богобоязненным населением, судя по количеству храмов самых разных конфессий. Но это только казалось. На следующий день на общем собрании офицеров в зале шляхетского дома штабс-капитан Кондратьев доложил для вновь прибывших офицеров обстановку в городе и на Волыни вообще.

Вкратце: самая беспокойная и проблемная часть здешнего общества — польская. Она довольно враждебно относится к российским властям, да и с другими частями общества — малороссийской и еврейской — отношения у нее были напряженные. До серьезных инциден-

тов не доходило, но мелкие стычки случались. Они пресекались твердой рукой русских патрулей. Так что российский гарнизон служил гарантом стабильности и спокойной жизни в городе.

— Ну-с, вот как-то так, господа офицеры, — закончил свою речь штабс-капитан. — Так что спокойной жизни здесь я вам не обещаю.

Глава 2

В корчме

— Witam², пан Краевский. Что-то вы какой-то мрачный...

За широкий дощатый стол в корчме «Жирный гусь» к сидевшему за ним солидному господину почтительно подсел крупный, моложавого вида усатый мужчина в одежде обычного горожанина. Тот господин, к которому он обратился как к пану Краевскому, сидел с серьезным видом, а перед ним стояла тарелка со «свинными ушками» и кружка пива, к которой он время от времени прикладывался, делая крупный глоток.

— Не иначе, как у пани Зоси сегодня пиво горчит, — тот, который подсел к пану Краевскому, улыбнулся в густые усы почтительной улыбкой. Он явно хотел пошутить, но как-то с опаской, словно боясь быть слишком фамильярным.

— Твои усмешки, Владек, совсем не уместны... — пану Краевскому явно не понравилась этакая запанибратская манера, с которой Владек завел разговор.

— Простите меня, пан Кшиштоф. Я пошутил — просто хотел вас немного взбодрить. Сейчас придут наши парни — надо бы заразить их энтузиазмом и решимостью настоящий польских патриотов.

— Советчик нашелся... — в голосе пана Кшиштофа послышались жесткие нотки. — Именно это я и намерен сделать, так что твои советы, мальчишка, излишни! Разговор будет серьезным, не до твоих шуточек, — поставил он на место своего молодого собеседника. Тот стушевался и убрал улыбку с лица.

Пан Краевский отхлебнул из кружки, вытер аккуратные тонкие усики — пиво у хозяйки заведения было, как всегда, отменное.

В это время входная дверь открылась, и в корчму шумно ввалилось с полдюжины мужчин. Среди них были и молодые, и постарше. Владек махнул им рукой, подзывая. Они направились к столу, почтительно поздоровались с паном Краевским. Сели за стол так, что было сразу видно, кто здесь центр внимания — взоры были направлены на этого солидного господина. Его серьезный вид настроил компанию на соответствующий лад — все словно подтянулось.

К столу тут же подбежала молодка, прислуживающая гостям в корчме.

— Что панове изволят? — спросила она игриво, смахивая тряпкой со столешницы невидимые крошки. Когда она наклонилась над столом, чтобы протереть его, ее пышные формы волнующе колыхались в глубоком вырезе лифа.

Однако настроение у компании, расположившейся за столом, было отнюдь не игривым. Никто из парней даже не шлепнул молодку по округлому задку, когда она, приняв их заказ, повернулась, готовая умчаться, чтобы принести заказанное — по кружке пива каждому и большое блюдо мелко порезанного копченого свиного окорока.

Пан Кшиштоф заметил среди вновь прибывших незнакомое лицо — молодой парень лет двадцати-двадцати пяти, который выделялся из остальных. Парень был приятной наружности, светловолос, ростом выше среднего, держался уверенно — в нем чувствовалась офицерская косточка.

Пан Краевский задержал на нем взгляд, потом вопросительно посмотрел на Владека. Тот спохватился:

— Пан Кшиштоф, должен вам представить нашего нового товарища, — Владек кивнул на того парня, которого сразу заметил пан Краевский, — Анджей Бжезневский.

---

² Приветствую (пол.)

— И кто он такой? Откуда взялся? — пан Краевский спросил Владека, словно никакого Анджея здесь нет.

— А вот он вам сейчас сам всё и расскажет, — Владек сделал приглашающий жест в сторону новичка, мол, давай — говори.

Рассказ Анджея не занял много времени.

Он был родом из с западно-словацких земель, находящихся сейчас под Габсбургами. В семнадцать лет поссорился с отцом, небогатым австрийским дворянином и офицером — извечная тема непонимания отцов и детей. В результате сбежал из дома и поступил на австрийскую службу в гусарский полк. Дослужился до чина хорунжего, участвуя в военных действиях в Европе. Но из-за своего независимого строптивого характера рассорился с командиром и подал в отставку. Оказался в Данциге, где усердно изучал морское дело, устройство кораблей, навигацию — дань детским мечтам о морских путешествиях. Однако был вынужден прервать занятия и вернуться домой, чтобы уладить семейные дела и дела по наследству.

Прошло три года с тех пор, как он покинул дом, однако отец его так и не простил — по-прежнему был на него в обиде. Анджей сделал попытку помириться с отцом, но из-за вспыльчивого характера обоих они только еще сильнее рассорились. В результате отец лишил его наследства. Более того, ссора была такой, что Анджею было невозможно оставаться в родном доме, и ему пришлось покинуть отчий кров, проще говоря — снова бежать из дома.

Отец был польских кровей по происхождению, так что Анджей считал себя наполовину поляком по отцовской линии (по матери — словак), поэтому он решил искать счастья в соседней Польше. Добрался сначала до Кракова, потом дальше. Прибился к отряду польских добровольцев, наслушался рассказов про борьбу поляков за национальную идею. Заразился идеей объединения Великой Польши, и решил бороться за нее вместе с новыми товарищами. Этому способствовал его молодой, горячий, вспыльчивый нрав, требовавший действия, драки, сражения и приключений. Польские добровольцы с радостью приняли его — опытные офицеры были им нужны. Но прусаки под Краковом разбили их отряд, которым командовал Анджей — гонора и энтузиазма у поляков было много, а вот вояки они были так себе. Все разбежались. Анджей с еще одним «воякой», молодым польским парнем Вацеком Зинкевичем, пробрался сначала в Лемберг, находящийся под австрийцами, а потом в Луцк, где уже хозяйничали русские.

В Луцке у Вацека были старые знакомства, а среди них и усатый Владек Корчинский, с которым они ранее сблизились на почве патриотизма. Здесь под влиянием идей воссоздания Великой Польши у них сформировался круг единомышленников, который стал таким подпольным партизанским отрядом. Владек был у них командиром. Вот туда-то Вацек и убедил направиться своего нового товарища Анджея Бжезневского.

Когда он привел Анджея в отряд к Корчинскому и рассказал ему, кто он такой, тот, не долго думая, предложил Анджею присоединиться к его небольшому отряду. Еще бы! Опытный офицер, понюхавший пороха — такие люди были им нужны. Анджей согласился.

Позже Владек также рассказал Анджею, что их отряд здесь не единственный, но они разрозненны, живут сами по себе. Однако есть важный шляхтич, пан Краевский, который наделен полномочиями сверху объединить их под общим руководством, и скоро будет встреча с этим господином для важного разговора.

Через день, получив с верным человеком приказ, Владек Корчинский, взяв с собой Анджея, отправился на эту встречу.

— И вот я здесь, с вами, панове, — закончил свой рассказ Анджей.

Пан Кшиштоф Краевский встал из-за стола:

— Что ж, Анджей, я рад, что вы с нами. Нам верные люди сейчас очень нужны. Особенно офицеры с боевым опытом!

Он пожал Бжезневскому руку, и тут же обратился ко всем:

— Панове, вы тут возьмите еще пива, а нам с паном Владеком надо кое-что обсудить, — и он увлек усатого Корчинского за собой.

Они вышли в другую комнату.

— Ты кого к нам привел? — прошипел он прямо в лицо Владеку. — Сколько ты с ним знаком? День-два? Ты ж его совсем не знаешь! Мы готовим серьезную акцию, а ты приводишь неизвестно кого. Хочешь провалить всё дело?

— Пан Кшиштоф! Я ручаюсь за него, — Владек испуганно вытянулся в струнку. — Да, я знаю его всего несколько дней, но он уже доказал, что он наш человек. Во-первых, два дня назад мы случайно натолкнулись ночью на русский патруль, завязалась драка, и Анджей фактически спас меня. Мы еле ноги унесли. А во-вторых, мой старый друг Вацек, надежный человек, рассказал, что Анджей — настоящий офицер! Там под Краковом в стычке с пруссаками он показал себя с очень хорошей стороны — сражался как лев!

Пан Кшиштоф с сомнением покачал головой. Немного подумал. Пришел к одному ему ведомому выводу и... Усмехнулся:

— Ну, раз как лев... — похлопал Владека по груди, — тогда... Отвечаешь за него головой! Присматривай за ним.

Краевский с Корчинским вернулись к компании. Владек жестом дал понять Анджею, что всё хорошо.

Пан Кшиштоф взял кружку сделал глоток пива:

— А теперь, панове, давайте вернемся к нашим делам...

Собравшиеся за этим столом в корчме «Жирный гусь» на рыночной площади Луцка были польскими патриотами, которые поклялись бороться всеми силами за Великую Польшу — единой и неделимой, «от моря до моря»³. Сейчас страна лежала разорванная на три части европейскими хищниками — Пруссией, Австрией и Россией — а в груди у патриотов болью стучало сердце, словно это оно было разорвано на части. И наполнялось гневом и ненавистью к странам-обидчикам.

Но что они могли сделать? Бороться! И они вспоминали своего героя — Тадеуша Костюшко, который восемь лет назад поднял восстание в Варшаве и устроил русским «Варшавскую заутреню»⁴ на Пасху 1794 года.

Пан Кшиштоф Краевский вышел здесь, на Волыни, на группу патриотической молодежи, жаждущих действий. Сначала это был небольшой разрозненный круг таких, как Владек Корчинский. Потом вокруг каждого из них сформировался небольшой отряд единомышленников. На это потребовалось какое-то время. Пан Краевский установил с ними связи, взял под свою руку.

Горячие сердца патриотов требовали действий, и вот сейчас, здесь в корчме, год спустя, вокруг пана Краевского за столом собрались «старшины» этих отрядов, чтобы получить указания к действию от своего командира.

— Нам нужно в каждом городе подготовить свою «Варшавскую заутреню», каждый из нас должен стать местным маленьким, но отважным Костюшко. И первыми начнем мы! Слушайте внимательно, вот что мы сделаем.

---

³ «Od morza do morza» — «от моря до моря», польский националистический лозунг.

⁴ Варшавская заутреня — предпринятое польскими повстанцами — жителями Варшавы — нападение на русский гарнизон в Великий четверг Пасхальной недели 17 апреля 1794 года. Русские были застигнуты во время утреннего богослужения (заутрени) и в значительной степени перебиты восставшими.

Пан Краевский решил не придумывать ничего нового, а повторить, пусть в меньшем масштабе, варшавское восстание Костюшко. Нужно только всё правильно продумать и организовать.

— Пан Кшиштоф, а что там было, на этой «заутрене»? Расскажите, — попросил один из молодых парней. — Мы, конечно, кое-что слышали, но всё же...

— Хорошо, — пан Кшиштоф немного помолчал, потом начал. — Сам я тогда в Варшаве не был, но много моих друзей участвовали в том восстании. Потом они много рассказывали об этом, — он снова остановился, помолчал. — Конечно, те, кто выжил после подавления восстания.

В Варшаве был расквартирован довольно большой и хорошо вооруженный гарнизон русских. Казалось бы, что с ним можно сделать — против такой силы? Но при подготовке восстания варшавяне поступили так хитро, что русские были просто в шоке.

Хитрость состояла в том, что восстание было запланировано на Великий четверг Пасхальной недели. Звон колоколов к заутрене был сигналом к началу выступления. Почти все русские, в том числе и военные из гарнизона собрались на утреннее богослужение. Русские военные пришли в храмы без оружия, а арсенал остался при минимуме охранения. Польские повстанцы, пользуясь внезапностью, захватили арсенал, завладели оружием и раздали его всем своим. После этого вооруженная толпа бросилась по улицам Варшавы к храмам...

В результате сразу же в церквях было убито множество русских солдат и офицеров, пришедших в храмы на пасхальную службу безоружными. Дальше бойня продолжалась по всему городу: тысячи русских были вырезаны тогда, сонные и безоружные, прямо в домах, где они стояли на квартирах и которые считали вполне дружественными.

— Русские надолго запомнили ту Пасху! — жестким голосом закончил рассказ о делах минувших дней пан Краевский.

За столом на некоторое время все замолчали под впечатлением от услышанного.

— Но то уже в прошлом. Давайте теперь поговорим о наших сегодняшних делах, — прервал молчание пан Краевский, обведя взглядом сидящих за столом парней. — Приближается Пасхальная неделя... Вот что я предлагаю...

Глава 3

Первая встреча

Служба в маленьком городке не отличалась насыщенностью событиями — была однообразна и провинциальна: ежедневные занятия с солдатами, строевая муштра, патрулирование улиц. Время от времени проводились небольшие учения и марш-броски по окрестностям. Этим достигались сразу две цели: во-первых — чтобы солдат не расслаблялся, а во-вторых — власти полезно обозначать свое присутствие.

Первые дни после прибытия в Луцк жизнь скрашивала новизна самого места службы, но скоро это ушло, и теперь подпоручик Тонков изнывал от скуки.

Будни немного разнообразили дружеские попойки с офицерами полка в одном из ближайших кабачков. Эти пирушки способствовали знакомству и сближению подпоручика с сослуживцами. Как новичок, Андрей сдерживал себя, не показывал свой характер, вёл себя со всеми ровно и спокойно — на удивление до сих пор ни с кем не поссорился, не устроил ни одного скандала, не вызвал никого на дуэль. Конечно, в этом свою роль сыграло обещание, данное отцу, но в гораздо большей степени — слова полковника Забелина, его нового командира, начальника луцкого гарнизона. Прочитав сопроводительное письмо, которое вручил ему подпоручик Тонков сразу по прибытии на новое место службы, полковник строго посмотрел на своего нового подчиненного.

— Подпоручик Тонков! — под грозным взглядом полковника Андрей вытянулся в струнку. — Вас характеризуют как смелого и отважного офицера. Но! — голос начальника налился металлом. — Но... Сюда вас направили не на курорт! Никакой офицерской вольницы я не допущу! Дисциплина и еще раз дисциплина. Никаких скандалов, ссор, драк и, упаси вас Бог, подпоручик... — полковник сделал многозначительную паузу, — Никаких дуэлей между моими офицерами! Не потерплю!

— Вы поняли, подпоручик? — полковник подошел к нему вплотную и смотрел прямо в глаза.

— Так точно, господин полковник! — отчеканил Андрей.

— Вольно! Свободен.

В Санкт-Петербурге, на службе в полку Андрей ненавидел ходить в патруль, а здесь, к своему удивлению, он обнаружил, что ему это стало нравиться, и частенько он сам вызывался пойти с патрулем. Ему было по душе неспешно ходить с тройкой солдат по улицам городка, мощёным булыжником, разглядывать стены и башни старинного замка-крепости, старые дома, соборы, церкви, полуразвалившуюся стену Окольного замка с башней, находившуюся чуть в стороне от замка Любарта.

Но еще больше ему нравилось выезжать с конным патрулем. Подпоручик Андрей Тонков был пехотным офицером, однако с детства он был приучен уверенно держаться в седле. Да и могло ли быть иначе для молодого русского дворянина и офицера?! Во время конного патрулирования верхом, под цокот копыт по мостовой, он мог забираться подальше — на окраины города. Но особенно его радовала возможность патрулирования окрестностей — промчаться галопом по дорогам и полям за городской чертой, по рощам и перелескам.

В одном из таких конных патрулей по окрестностям Луцка, подпоручик обратил внимание на двух мужчин, неспешным шагом направлявшихся по дороге от города к ближнему хутору. Присмотревшись, он понял, что это молодые парни примерно одного с Андреем возраста. Что-то в них ему показалось подозрительным... Походка... В ней была видна военная выправка. Это явно были не местные крестьяне и не простые городские обыватели...

Подпоручик направил своего коня к этим двум типам, вызвавшем его подозрение. За ним рысцой поскакал весь его патруль. Те двое как-то нерешительно дернулись было — видимо, первым их порывом было «бежать!», но сразу остановились — сообразили, что это будет уж совсем подозрительно, а эти всадники их всё равно быстро нагонят.

Патруль русских подскакал к ним, окружив и тесня лошадьми к центру круга, в котором они оказались.

— Кто такие? — громко спросил подпоручик по-русски.

Тот из двоих, который был явно попроще, что-то пропшекал по-польски, но, видя, что русские его не понимают, перешел на смесь украинского, русского и польского:

— Пан офицер, та мы до хутора, до наших знаёмцев.

Подпоручик разглядывал второго. Тот явно был не прост. В нем угадывался не просто офицер — он был явно из благородных. Это можно было понять по осанке, по гордо вскинутой голове, по чертам лица.

— Хромов, обыщи-ка их, — приказал подпоручик одному из своих подчинённых, продолжая приглядываться к этому второму.

Хромов спрыгнул с лошади, подошел к тому «благородному». Анджей (а это был он — Бжезневский) выхватил спрятанный под одеждой пистолет — он был возмущен: чтобы какой-то грязный русский холоп прикоснулся к нему! Взял курок и, поводя стволом перед собой, крикнул по-французски:

— Ne vous approchez! Je tire!⁵

— О, мсье говорит по-французски! — тоже перейдя на французский, воскликнул подпоручик, который, как все русские дворяне, хорошо владел французским. — В таком случае давайте спокойно поговорим. И уберите пистолет, вы же понимаете, что это глупо.

На Бжезневского, прямо ему в лоб, уже смотрели три ствола, и он опустил пистолет.

— Кто вы такие, мсье? Документы, бумаги какие-то есть при себе? — спросил подпоручик.

Анджей достал откуда-то из внутреннего кармана бумагу, протянул подпоручику. Хромова он высокомерно проигнорировал. Нагнувшись, Андрей взял бумагу и, выпрямившись в седле, стал ее просматривать. Бумага была на немецком языке — видимо, какое-то удостоверение личности. Немецкий он знал плохо, но сумел кое-что прочесть и понять, что бумага — вверху было крупными буквами напечатано «Ausweis»⁶ — выдана была в Австрии и удостоверяла личность владельца.

— Пан... — подпоручик запнулся, читая имя, — Анджей Бжезневский... О, пан Бжезневский, да мы с вами тезки! — усмехнулся подпоручик.

По завершении патрулирования подпоручик Тонков явился с докладом к капитану Заречному, который при штабе исполнял обязанности начальника разведки, а за одно и контрразведки полка, и доложил ему о двух встреченных подозрительных мужчинах, о проверке их документов. На вопрос капитана «Что за бумаги они предъявили?» подпоручик только пожал плечами: «Я не очень разбираюсь в этом — какое-то удостоверение, аусвайс. С виду с ними всё было в порядке.»

По бумагам можно было понять, что один из тех двоих — обычный поляк из местных, некто Вацек Зинкевич. А вот второй, который размахивал пистолетом, более интересная персона — некто Анджей Бжезневский, австрийский подданный.

Бжезневский был из австрийских мелких дворян с польскими корнями, недолго служил у австрийцев в гусарском полку в чине хорунжего. Сейчас в отставке.

---

⁵ Не подходить! Стреляю! (франц.)

⁶ Удостоверение (нем.)

Эти подробности подпоручик узнал уже со слов Бжезневского, которого он опросил там же — на дороге. Если верить его словам, он оказался здесь по приглашению местного богатого шляхтича, который предложил ему работу — устроиться к нему на службу, что-то вроде личной охраны.

— Так-так-так... И что же это за шляхтич? — спросил капитан Заречный.

— Ммм... Крачковский... Или Крестовский. Этот австрияк сказал, что шли они на хутор Хвылынский. Наверное какой-то тамошний барин.

— Не иначе, как пан Краевский, — задумчиво сказал капитан. — Довольно известная здесь личность.

— Точно! Краевский, — подтвердил Андрей.

— Что-то к нему зачастили гости... В городе уже видели таких же гостей... Надо бы и нам к нему повнимательнее присмотреться.

— А что этот Бжезневский? — продолжил капитан. — Вы, подпоручик, вот так просто его отпустили?

— Да вроде не было, за что задерживать, господин капитан. Поговорили нормально. Взял с него честное слово офицера не выступать с оружием против российских властей.

Капитан молчал. Он думал. Наконец, видимо приняв какое-то решение, он сказал:

— Знаете, подпоручик... Вообще-то, с вашей стороны это непростительная беспечность — отпустить столь подозрительных типов. Особенно этого — Бжезневского. Так кажется его зовут? Боевой офицер, в компании с поляком, направляется к какому-то польскому шляхтичу, угрожал пистолетом — всего этого вполне достаточно, чтобы его задержать и разобраться с ним повнимательнее. Вам не кажется?

— Виноват, капитан! Не подумал об этом, — признал свой промах подпоручик Тонков.

— Но то, что вы их отпустили, может сыграть нам на руку, — с хитринкой в глазах продолжил Заречный. — Задержи вы их, тем самым мы могли бы спугнуть какую-то «крупную рыбу». А так... Пусть думают, что все спокойно, а мы тем временем осторожно понаблюдаем за паном Краевским и его хутором...

— Так что... Пусть пока гуляет, — и добавил, — но патрули надо усилить и усилить бдительность. Какое-то у меня нехорошее предчувствие..

На следующий же день за хутором Хвылыным установили скрытное наблюдение. Патрули усилили.

Хотя город по-прежнему внешне казался спокойным и даже немного сонным, но бдительные патрульные стали замечать то тут, то там небольшие группы мужчин, что само по себе не было чем-то необычным, но при приближении к ним патруля они вдруг спешно расходились и скрывались в ближайших улочках. Ночные же патрули стали отмечать, что какие-то темные личности следили за ними из подворотен, и тут же исчезали, стоило попытаться к ним приблизиться.

Это вызывало некоторую тревогу, и скоро подтвердилось, что эта тревога имела серьезные основания.

Пан Кшиштоф Краевский в Луцке был кем-то вроде идейного руководителя местных польских радикальных патриотов. Постепенно вокруг него собрался круг преданных ему людей, которые в свою очередь собрали вокруг себя своих единомышленников. Так, не спеша, шаг за шагом, в городе оформилась тайная организация польских патриотов со своей строгой структурой.

Сейчас по распоряжению пана Краевского на хозяйственном дворе хуторка близ Луцка собрались командиры отрядов. Место было тихое, никого чужих в это время здесь быть не могло, поэтому разговаривали в открытую.

— Эх, а в «Жирном гусе» пани Зося принесла бы нам по кружечке пива, — нарочито сокрушенно вздохнул Вацек.

— Отставить разговорчики! — скомандовал Анджей Бжезневский. Он за прошедшее с момента появления в Луцке время завоевал бесспорный авторитет среди поляков-добровольцев и вошел в ближний круг доверенных людей пана Краевского, стал одним из командиров боевого крыла луцкой патриотической организации и теперь всю пользовался своим правом командовать. — Пан Кшиштоф, мы вас внимательно слушаем.

— Пан Анджей, как вы считаете, наши хлопцы уже созрели для серьезных дел?

— Да, пан Кшиштоф, мы время даром не теряли — хлопцы готовы. Не так ли, панове? — Анджей посмотрел на своих товарищей. Те согласно закивали.

— Вот и хорошо. Настало время конкретных дел.

Все прошли в дом. Там на дощатом столе были разложены карты...

Совещание затянулось глубоко за полночь, а результатом его стала выработанная «тактика мелких укусов» — нападение небольшими боевыми группами на патрули русских, на разрозненные группы русских солдат, где бы они не появлялись в городе или окрестностях. Внезапное нападение и тут же отход, рассредоточение и исчезновение в городских переулках, а понадобится — и в окрестных лесах.

Было решено, что первый жестокий «укус» будет нанесён пасхальным утром в подражание славному Костюшко и его «Варшавской заутрене». Идея основывалась на том, что, как было установлено, почти все офицеры русского гарнизона Луцка придут на пасхальную службу в Свято-Троицкий собор.

— Вот там-то мы их и «укусим», да так, что они надолго запомнят луцкую Пасху! — пан Краевский был доволен собой.

Глава 4

Отец Паисий

Воскресным утром в начале апреля подпоручик Тонков наконец-то собрался первый раз после приезда в Луцк сходить в храм на службу, а заодно и исповедоваться. «Грешен, — сказал он себе и перекрестился. — Прости меня, Господи, давно не исповедовался. То одно, то другое...»

Андрей сначала хотел было пойти в Свято-Троицкий кафедральный собор — большой, красивый, помпезный, относительно недавно построенный православный храм, но недавним вечером, проходя с патрулем мимо небольшой старой церкви Покрова Пресвятой Богородицы, он передумал: «Нет, пойду сюда.»

Покровская церковь была тихая и бесшумная, какая-то уютная, к тому же гораздо ближе к замку Любарта, где базировался русский гарнизон. Настоятелем ее прихода был протоиерей отец Паисий — благообразный старец с широкой седой бородой.

Было утро — время перед утренней службой. К исповеди пришло совсем немного народу — несколько стариков и старушек, образовавших небольшую очередь. Андрею составил компанию его новый приятель прапорщик Павленко — молодой парень из малороссов, командовал отделением в роте Тонкова.

Очередь дошла до Андрея быстро. Он смиренно прошёл к аналою, где стоял отец Паисий, и склонил голову: «Грешен я, отче!»

Исповедь не заняла много времени.

В течение тех коротких минут, пока Андрей каялся в своих грехах, пристальный взгляд батюшки внимательно смотрел ему прямо в лицо, словно стараясь что-то прочесть на нем. Закончив, Андрей поцеловал крест, получил благословение и уже собирался отойти в сторону, чтобы уступить место прапорщику, но отец Паисий, перекрестив его, тихо сказал:

— Сын мой, не сочти за труд, подойди ко мне после вечерней службы. Есть серьезный разговор. Приходи один.

Подпоручик удивился, но не подал виду, лишь также тихо ответил:

— Хорошо, батюшка.

Подпоручик, как и просил отец Паисий (Андрей уже узнал у служки имя настоятеля), вечером снова пришел в Покровскую церковь. После службы храм быстро опустел. В ожидании батюшки Андрей стоял у иконы Михаила Архангела и спрашивал себя: «Зачем я понадобился отцу Паисию?»

Наконец протоиерей вышел из-за иконостаса через диаконовские врата, подошел к подпоручику, перекрестил его и провел в ризницу. В ризнице было тихо и покойно. Пахло ладаном и свечами.

Андрей молчал, почтительно стоя перед батюшкой. Тот тоже молча внимательно разглядывал молодого русского офицера, словно стараясь понять, что он из себя представляет, о чем думает. Видимо, приняв для себя какое-то решение, отец Паисий перекрестился и, перекрестив подпоручика, сказал на хорошем русском языке с небольшим малороссийским акцентом:

— Вот что я хочу тебе сказать, сын мой...

И отец Паисий поведал Андрею следующее.

Прихожанами его церкви был преимущественно простой народ — горожане и хуторяне из окрестностей Луцка. Отец Паисий был для своей паствы непререкаемым авторитетом, его любили и уважали, доверяли ему свои секреты не только на исповеди, но и просто по жизни.

Он хорошо всех знал, знал, чем дышат, чем живут в округе. И не мудрено — за десятилетия, что он служил в храме! Знал о сложных отношениях в городе и на всей Волыни, где было столько всего намешано: и украинцы-малороссы, и русские, и поляки, и евреи... Одни не любили тех, тайно ненавидели этих, терпели третьих, и так все со всеми. Но до времени всё это как-то уравнивалось, и люди мирно уживались друг с другом. Войны шли где-то там — далеко: между армиями, правителями, в верхушке общества. Простой люд на местах между собой в основном жил мирно.

Однако с разделом Речи Посполитой это равновесие нарушилось. Поляки выделились тем, что их ненависть к русским и заносчивое презрение к украинцам и евреям, резко обострилась.

— Подпоручик, сын мой, вы слышали что-то о «варшавской заутрене» на Пасху 1794 года?

— Батюшка, я тогда был совсем отроком. Потом, помнится, что-то такое нам говорили в кадетском корпусе, где я учился...

Отец Паисий только сокрушенно покачал головой, мол, «чему вас там учат? только штыком тыкать, да шпагой махать?». Пришлось ему кратко рассказать подпоручику о том подлом нападении поляков в Варшаве на русский гарнизон, когда в светлый пасхальный праздник погибли несколько тысяч русских солдат и мирных жителей, пришедших безоружными на службу в православные храмы.

Подпоручик слушал со сжатыми кулаками и желваки ходили у него на скулах от негодования.

— Но зачем вы мне все это рассказали, батюшка?

— Вот! Мы добрались до самого главного! Совсем скоро, через неделю, Пасха, — отец Паисий многозначительно посмотрел на подпоручика. — Тебя, сын мой, не наводит это ни на какие мысли?

— Нет. А должно?

— Они хотят повторить ту «варшавскую заутреню» здесь!

Оказалось, что один из его прихожан поделился с протоиереем, которого он очень почитал, тем, что узнал из случайно подслушанного разговора. Этот благочинный прихожанин, хохол, был наемным работником на одном польском хуторе недалеко от города. Хозяев, поляков, он не любил всей душой, так как те относились к нему и к другим, работавшим на них украинцам, как к недостойному быдлу, и не особенно это скрывали.

Так вот, на том хуторе, по его словам, с какого-то времени стали частенько проходить подозрительные собрания поляков. Подозрительные, потому что гости приходили тихо, крадучись, собравшись в доме, не пили горилку, не гуляли, а тоже вели себя тихо, как будто они от кого-то скрывались. Однажды, когда трое гостей курили на крыльце, он услышал имена Тадеуша Костюшко, Яна Килинского, Михала Огинского, Якуба Ясинского⁷. Дальше из их разговора он понял, что они планируют на Пасху напасть на русских солдат и офицеров из гарнизона, расквартированного в Луцке. И напасть не на сам гарнизон, размещенный в крепости-замке, а во время праздничной службы в православных церквях. Внезапно, когда никто ничего подобного не ожидает.

— Да это бунт! Тайный заговор! — подпоручик был не на шутку встревожен, а про себя подумал: «Надо немедленно доложить об этом полковнику! Если это действительно так, то надо что-то делать! Но так ли это? Может, просто досужие сплетни?»

— Отец Паисий, — после небольшой паузы предположил он, — а не могло это просто показаться вашему прихожанину? Ну, услышал он разговор между поляками-патриотами, ну, вспоминали они дела давно минувших дней...

---

⁷ Несколько руководителей польского восстания 1794 г.

— Наверное, могло, сын мой. Но, знаешь ли, у меня не маленький приход, люди разные, есть среди них и поляки... Как написано в святом писании, всё тайное когда-то обязательно становится явным... Трудно утаить тайные помыслы и дела, в которые посвящены много людей. Слухи неизбежны... Дошли они и до меня, пусть не в таких подробностях... Но с разных сторон, от разных людей, и один подтверждает другой, и все они подтверждают то, о чем я тебе, сын мой, рассказал.

— Но, отец Паисий, как-то нелогично. Почему здесь, в тихом городке на Волыни? Варшава сейчас под Пруссией, там прусский гарнизон. Логичнее было бы устроить повторение той резни именно в Варшаве — в этот раз вырезать прусаков, как прежде они вырезали русских. Какая им разница? У прусаков тоже своя Пасха. Или в Кракове — там сейчас австрийцы. Почему здесь? Чем русские им не угодили?

Отец Паисий грустно смотрел на этого наивного молодого русского подпоручика.

— Ненависть, сын мой, редко бывает логичной, рациональной.

— Но почему? — не успокаивался Андрей. — Мы же к ним по-доброму, они ж тоже славяне, почти свои, вот и хотим взять их под справедливую руку русского Императора.

— Они так не думают. Понимаешь, подсознательно они считают Пруссию, Австрию выше себя, более цивилизованными, более культурными нациями. Быть под ними не так обидно. Русских же, нас, в своей гордыне они считают ниже себя, варварами с востока, и быть под Россией для них унижительно. Вот откуда у них такая ненависть к русским.

Оба замолчали. Наконец отец Паисий сказал:

— Об этом долго можно говорить, вспомнить историю... Но сейчас не время. Сейчас важно другое. Беги, сын мой, к своим. Доложи, как положено, своим командирам. Расскажи им о том, что я только что тебе поведал. Это ужасное злодеяние надо предотвратить, а времени не так много.

Он перекрестил подпоручика, благословляя. Тот приложился к руке батюшки и спешно вышел из храма.

Полковник Забелин отвел под штаб гарнизона бывший шляхетский дом, примыкавший изнутри к южной крепостной стене замка Любарта. В его большом зале сейчас было шумно.

В «предбаннике» подпоручика Тонкова встретил штабс-капитан Юренев, адъютант командира луцкого гарнизона.

— Господин штабс-капитан, я к полковнику Забелину. Срочно! С важной информацией.

Штабс-капитан посмотрел на взволнованного подпоручика, понял, что дело серьезное и, не мешкая, провел подпоручика к полковнику.

— Подпоручик, что у вас? — полковник сидел за рабочим столом и внимательно смотрел на Андрея. Тем временем шум в зале стих — присутствующие офицеры каким-то образом почувствовали, что происходит что-то важное.

Доклад подпоручика Тонкова был по-армейски чётко и лаконичен, а потому, хоть и занял немного времени, сумел передать главное: серьезность и опасность назревающего бунта, коварство заговорщиков и то, что это не выдумка, не слухи, что этому можно верить, и, что надо что-то предпринять.

По его окончании штабс-капитан даже присвистнул, а полковник встал, задумчиво прошелся по залу, звеня шпорами. Остановился перед капитаном Заречным. Он хотел получить еще подтверждения.

— Ну-с? А что нам скажет контрразведка? — вопросительно посмотрел на него.

Заречный сказал, что его разведчики доносят о подозрительной активности вокруг хутора, в городе, в его атмосфере чувствуется какое-то напряжение. Всё это подтверждает то, что затевается что-то серьезное.

— Что будем делать, господа офицеры? — полковник Забелин обращался ко всем.

Глава 5

Пасха

Совещание в штабе полка затянулось глубоко за полночь. Сошлись на том, что надо срочно добыть как можно больше информации о планах бунтовщиков-загорщиков, готовящих столь коварную и масштабную акцию. Контрразведка полка даст команду своим агентам, нацелит их на решение именно этой задачи. За те годы, что русский гарнизон стоял в Луцке, контрразведка всё-таки не сидела сложа руки и какую-никакую агентурную сеть всё же создала, и теперь настал тот момент, когда это должно было принести пользу — получить сведения, которые определяют многое в дальнейшем развитии событий, а в конечном итоге — спасут немало жизней.

И это сработало.

За три дня до Пасхи удалось узнать в общих чертах планы бунтовщиков, и вообще — кто они есть такие. Оказалось, что главный вдохновитель, руководитель и организатор этих польских патриотов, радетелей за Великую Польшу «от можа до можа» — пан Кшиштоф Краевский, из местной польской шляхты, господин лет шестидесяти. В его ближнем кругу было около дюжины поляков помоложе, каждый из которых командовал боевым отрядом. Численность этих отрядов была разной — от десятка и до полусотни бойцов. Более того, каждый из этого нижнего звена имел указание по первому же приказу командира привлечь еще нескольких добровольцев из своего окружения, и чем больше — тем лучше. Всё это вместе могло составить серьезную силу.

Похоже, что пан Краевский хочет задействовать всю эту скрытую до поры, до времени силу пасхальным утром, то есть в ближайшее воскресенье. Сбор командиров верхнего звена намечен в ночь на пасхальное воскресенье в каком-то тайном месте, в каком — пока неизвестно. Видимо, там они получают последние распоряжения и команду к началу действий.

Их план был основан на том, что пасхальным утром для нижних чинов и рядовых гарнизона службу будет проводить полковой священник во дворе замка-крепости Любарта, а большая часть офицеров пойдет на праздничную службу в православный Свято-Троицкий кафедральный собор и другие церкви. Вот там-то бунтовщики и хотят на них напасть. Сразу пойти на штурм крепости, где расквартирован гарнизон, они не решатся — сил недостаточно. А вот после того, как в храмах будут уничтожены офицеры, вот тогда они могут всей массой навалиться на крепость.

Таким образом план поляков-заговорщиков состоит из двух частей: первая часть — нападение и уничтожение большинства русских офицеров в храмах, а вторая — массированное нападение на обезглавленный гарнизон.

С колокольным звоном к заутрене будет отдан приказ начать первый этап — блокировать Свято-Троицкий собор и другие православные церкви, куда придут на праздничную службу русские офицеры, и уничтожить их.

— Мы должны предотвратить всё это! — полковник обратился ко всем. — Во славу царя и Отечества мы обязаны задушить эту ползучую гидру мятежа!

— Трудность в том, — размышлял начальник штаба гарнизона капитан Гнедич, — что мятежников много, это тайные, скрытые, рассредоточенные силы. Мы не можем их отловить по отдельности. Однако, у них есть большой недостаток — они плохо вооружены. Поэтому на прямое столкновение, в открытый бой они не пойдут. Пока... Пока, например, не захватят наш арсенал и не вооружатся. Вот тогда они могут задавить нас массой... Нам нужно придумать что-то похитрее, чтобы не допустить этого...

После долгих раздумий, обсуждений, споров, полковник утвердил план действий, с которым согласились все офицеры, присутствующие в штабе.

Начальник штаба полка капитан Гнедич подвел итог:

— Наш план действий будет такой. Первое. Чтобы не спугнуть заговорщиков, к праздничной пасхальной заутрене группы офицеров в приподнятом праздничном настроении демонстративно идут к храмам. Они должны быть вооружены, но оружие должно быть спрятано под одеждой.

— Сколько и какие именно храмы — определяем мы. Не будут же заговорщики нападать на те церкви, где не будет наших офицеров. Это, конечно, кафедральный собор, ну и еще две-три (думаю этого будет достаточно) церкви вокруг.

— Второе. Ночью, под покровом темноты поблизости с каждым из намеченных нами храмов скрытно займут позиции усиленные вооруженные отряды. Численность отрядов? Думаю дюжины хорошо вооруженных солдат будет достаточно. Разве что у Свято-Троицкого собора — две дюжины.

— Третье. Эскадрону кавалерии за стенами замка быть в состоянии полной боевой готовности, чтобы в случае тревоги мчаться к месту вооруженного нападения крупных сил мятежников, если таковое будет. Эскадрона будет достаточно, чтобы разогнать плохо вооруженную толпу.

У разработанного плана была еще одна — главная часть. Перечисленные меры должны быть предприняты скорее «на всякий случай», если вооруженных столкновений всё-таки не удастся избежать.

Главный же удар должен быть нанесен в другом месте — надо будет резким внезапным ударом одномоментно отсечь «голову» этой «гидре бунта».

Контрразведка, к счастью для русских, установила, что своеобразный «штаб» бунтовщиков находится на хуторе Хвылынский, где обитает пан Краевский. Именно у него, у пана Кшиштофа, в ночь на Пасху соберутся его командиры боевых отрядов. Именно оттуда утром они разойдутся по своим отрядам с приказом начать нападения на русских в церквях. Сигналом к началу будет звон праздничных колоколов.

Вот там, на этом хуторе, и надо будет накрыть всю верхушку бунтовщиков вместе с самим паном Краевским. И сделать это надо так, чтобы не улизнул ни один командир. Без своих командиров, не получив от них команды, ни один из отрядов бунтовщиков не начнет боевые действия.

Для подстраховки на дорогах и тропинках, ведущих от хутора, надо устроить засады, чтобы перехватить тех, кому всё же удастся сбежать из хутора, а этого исключать нельзя. Эту задачу поставили перед полуротой подпоручика Тонкова.

— Господа офицеры, еще раз обращаю внимание, — в завершение совещания сказал полковник Забелин, — все приготовления к нашей операции должны быть сделаны в строжайшей тайне, скрытно.

Еще до рассвета, в темноте ночи, расставив засады на двух дорогах и нескольких тропинках, ведущих от хутора, сам подпоручик, взяв с собой одно из отделений, скрытно лесом прошел на опушку туда, где она подходила ближе всего к хутору. Приказал залечь здесь цепью вдоль опушки, а сам с четырьмя бойцами расположился в середине этой цепочки у неглубокого овражка, который как раз шел от хутора в лес.

«Если бы я, в случае атаки, захотел скрытно уйти из хутора, я бы побежал не по дороге и не через открытое поле, а вот по такому овражку» — здраво размыслил Андрей.

Апрель. Прохлада пасхального утра. День обещает быть ясным, а пока утренний туман делал все вокруг — лес, поле — таинственно-призрачным...

Подпоручик Тонков лежал в траве под кустиком, ветви которого уже дали молодую, еще не полностью распустившуюся листву, покусывал прошлогоднюю сухую травинку, а в голове у него неспешно менялись картинки из детства: праздничное пасхальное утро, у всех вокруг приподнятое настроение, улыбаются, христосоваются, слышен радостный перезвон колоколов...

«Устроить резню в такое утро?! Какими же злобными созданиями надо быть? Да христиане ли они вообще!?»

Из своего укрытия подпоручику была видна окраина хутора, въезд по одной из дорог, опушка леса, из которого выбегала эта дорога. Нет, «видна» — это не правильно сказано. Он знал, что она — дорога — там, но сейчас ее скрывал утренний туман, стелющийся по полю.

Но вот в тумане от леса по дороге и по другим направлениям к хутору обозначилось какое-то скрытое движение, промелькнули какие-то тени.

«Всё! Началось. Наши пошли...» — понял подпоручик.

...Со стороны овражка послышался приглушенный шорох сухой прошлогодней травы и легкий треск тонких веточек, ломающихся под чьими-то ногами. В дымке тумана, крадучись, по овражку прямо на них пробирались двое.

— Взять их! — крикнул подпоручик, когда те приблизились и оказались прямо в полукольце русской засады.

Сам он с обнаженной шпагой выскочил прямо перед ними, перекрывая дорогу вглубь леса. Двое других его солдат перекрыли дорогу сзади, отрезая им путь к бегству. Еще двое с боков — справа и слева от Андрея.

— Пся крев! — выругался тот, что был немного впереди, выпрямился, уже не скрываясь, и выхватил офицерскую шпагу. У второго в руке блеснула сабля.

Подпоручик внимательнее всмотрелся в своих противников. Мгновение они стояли, замерев, друг напротив друга, но этого мгновения хватило, чтобы они узнали друг друга.

— Ба! Да это ж наши старые знакомые! Ну, привет, тезка! — воскликнул подпоручик Тонков и уже по-французски:

— Салю, мсье Бжезневский! — и бросился на противника.

Клинки, лязгнув, скрестились. Они снова замерли.

— Мсье, вы же дали слово офицера — не выступать против русских! — сказал Андрей прямо в лицо Бжезневскому, давая тому шанс опустить шпагу и сдаться.

Анджей не ответил, только криво оскалился.

Противники сделали шаг назад и стали медленно кружить, не спуская глаз друг с друга, каждую секунду готовые броситься в драку.

— Этот мой, — крикнул Андрей своим, — займитесь другим.

Схватка была ожесточенной — противники стоили друг друга. Шпаги звенели от разящих и парирующих ударов. В какой-то момент скрещенные шпаги сцепились гардами⁸. Противники были так близко, что чувствовали горячее дыхание друг от друга. Подпоручик воспользовался заминкой и нанес удар кулаком свободной левой руки в лицо Бжезневского. Тот не ожидал такого приема, на мгновение потерял контроль, и Андрей выбил шпагу из руки Анджея.

Поручик приставил свой клинок к груди Бжезневского, еще раз давая шанс сдаться, но тот внезапно выхватил из-за пояса уже взведенный пистолет и выстрелил Андрею в грудь. Еще до выстрела подпоручик, как опытный дуэлянт, успел автоматически закрыть грудь согнутой в локте рукой. Пуля пробила предплечье и, скользя по ребру, ушла куда-то в сторону. Андрей упал...

---

⁸ Гарда — часть эфеса шпаги, защищающая кисть руки от удара оружием противника и от соскальзывания руки на собственный клинок.

Бжезневского тут же скрутили, как и Вацека, который почти не сопротивлялся. Обоих позже доставили в замок, в расположение гарнизона, и посадили под стражу.

Подпоручика Тонкова, как смогли, тут же перевязали и на телеге, взятой на хуторе, доставили в полковой лазарет, располагавшийся там же в замке. Андрей был бледен от потери крови, но чувствовал себя вполне сносно, если так можно сказать о человеке, которому прострелили руку и бок.

Позднее подпоручику рассказали, что контр-операция по захвату заговорщиков прошла вполне успешно: всю верхушку бунтовщиков взяли, и даже обошлось без большой крови. Часть из них, вместе с паном Краевским, взяли прямо на хуторе. Других — тех, что смогли убежать из хутора — взяли грамотно расставленные подпоручиком засады вокруг хутора.

Пасха в городе прошла спокойно, без эксцессов. Только в костёле и других католических храмах было непривычно малолюдно.

Всех арестованных под конвоем отправили в Киев. Там по решению военной комиссии Анджея Бжезневского, как иностранного подданного, интернировали⁹ и приговорили к пятилетней ссылке — ему предстояло отправиться этапом вглубь России.

Раненого подпоручика Тонкова из полкового лазарета сразу же переправили в дивизионный госпиталь, оттуда доставили в Минск, где подлечили уже основательнее. Как только состояние раненого позволило, его отправили до полного выздоровления в Санкт-Петербург под надзор столичных врачей.

Перед отправкой в Минск в госпитале подпоручика Тонкова навестил отец Паисий. Андрей этого никак не ожидал, поэтому, когда батюшка вошел в палату, он сначала даже не понял к кому — в палате кроме него лежали и другие раненые и хворые. Отец Паисий обошел всю палату, благословляя каждого, а потом подошел именно к нему.

Андрей был еще слаб от потери крови, да и рука была еще далеко не в порядке — пуля все-таки задела кость, но, когда батюшка подошел к его кровати, Андрей стал неловко вставать.

— Лежи-лежи, сын мой, — отец Паисий рукой мягко удержал его, перекрестил.

— Видится мне, что тебе предстоит дальняя дорога, потому и решил заглянуть к тебе, рабу божьему Андрею. Выздоровлявай, набирайся сил — они тебе понадобятся. Но еще более тебе понадобятся силы духовные. Будь благочестив, скрепи свое сердце верой, сдерживай свой нрав, и... Да благослови тебя Господь! — перекрестил подпоручика и ушел, оставив Андрея Тонкова в задумчивости.

«О какой-такой „дальней дороге“ говорил батюшка? — размышлял Андрей. — А ну да. Сначала Минск, потом в Санкт-Петербург — путь неблизкий. Что ж, спасибо вам, отец Паисий, за ваше благословение.»

Он и представить себе не мог, насколько дальний путь ему предстоит.

И еще одному Андрею, Анджею по-польски, предстояла по-настоящему дальняя дорога.

Казалось бы судьба, случайно столкнув этих таких разных тёзок — Анджея и Андрея, теперь навсегда развела их в противоположные стороны. Но... Пути Господни неисповедимы...

---

⁹ Интернирование — мера пресечения, которая может применяться к иностранным гражданам в целях защиты национальной безопасности и поддержания общественного порядка в ситуациях, не относящихся к категории вооруженных конфликтов, с целью их временной изоляции.

Глава 6

В ссылку

Группу польских бунтовщиков из Луцка под конвоем перевели в Киев в распоряжение военной комиссии вместе с бумагами на них — записками отделения контрразведки при полковом штабе с описанием обстоятельств задержания и со всей информацией по задержанным.

Решение по хорунжему австрийского гусарского полка Анджею Бжезневскому, по рождению австрийскому подданному, военная комиссия приняла быстро. Дело-то было ясное: примкнул к польским повстанцам, участвовал в подготовке бунта в Луцке, оказал вооруженное сопротивление, покушался на жизнь российских военнослужащих, ранил офицера. Смягчающие обстоятельства: подданный Австрии, союзницы Российской Империи, при сопротивлении обошлось без смертоубийства. Приговор: присвоить статус интернированного. Мера пресечения: высылка на пять лет на поселение в глубь России подальше от места преступления.

На момент задержания Бжезневский не был военнослужащим воюющей с Россией страны, поэтому он не мог считаться военнопленным. Однако, он определенно мог быть отнесен к категории потенциально опасных граждан иностранного государства, а следовательно статус интернированного для Бжезневского был вполне справедливым.

Местом ссылки значился совершенно неизвестный Бжезневскому город — Вологда. Где это? В какой стороне? Как далеко? Сколько времени займет дорога туда? Всё это Анджею было неизвестно.

Позже, уже на этапе, от других пересыльных он узнал, что Вологда — это старинный русский город где-то на севере в непроходимой глуши среди лесов и болот. Поговаривали, что путь туда не близок и займет месяца два. Услышав это Анджей даже присвистнул: «Ого!»

Бжезневскому повезло: оказалось, что этап был уже сформирован — около полусотни человек. В чем повезло? В том, что ему не пришлось, как некоторым, сидеть в тюрьме месяцами и ждать, пока наберется достаточно ссыльных, чтобы укомплектовать этап. А месяцы в тюрьме — это вам не сахар, уж поверьте! Хотя приговоренных к ссылке собирали со всей Мало — и Новороссии, с новых западных земель, но было их не много, потому и этап формировался довольно долго.

Состав этапа был разношерстный. Были тут и уголовники, и беглые крестьяне, и каторжники. Была тут и небольшая группа таких же как он — интернированных. Эти были на привилегированном положении, если можно так выразиться. Отношение к ним со стороны охранников и конвойных было помягче — зуботычины им не раздавали при любом удобном случае, как другим. Но это оказалось не главной привилегией. Главное оказалось в другом.

Перед отправкой этапа всех построили на тюремном дворе. Кому-то, самым злостным и опасным, надели кандалы, кого-то связали полегче. Женщин — хоть не много, но и они были — совсем не связывали. Группа интернированных, среди которых был и Анджей Бжезневский, стояла отдельно от общей массы. Их было с десяток.

Вышли конвойные. Открылись ворота, и через них во двор въехала арестантская карета. Карета — это громко сказано. На самом деле это был довольно вместительный темно-зеленый фургон на колесах с упряжкой из пары лошадей.

Двое конвойных загнали интернированных в эту «карету», закрыли заднюю дверь и сами устроились здесь же на скамье. Другие двое — впереди на облучке. Один из них был начальником конвоя, второй — кучером. Начальник конвоя дал знак трогать, кучер дернул вожжи, протяжно крикнул «Ну-у!», и зеленый фургон не спеша тронулся.

Вот она — привилегия! Их повезут! Не пешим ходом тысячу километров, как весь остальной этап, а в этом экипаже. «Шикарно! — невесело подумал Анджей в тряском полумраке фургона, — Но за что такая привилегия?» Загадка эта открылась позже.

Бжезневский, занявший место сзади у маленького окошка с решеткой, видел через него, как следом из ворот тюрьмы под печальный звон кандалов нестройными рядами по трое вышли бедолаги-арестанты. Им, в отличие от него и его соседей по фургону, предстояло идти по дорогам бескрайней России пешком.

Анджей вздохнул... Впереди лежала неизвестность.

Арестантский фургон имел четыре оконца с крепкими решетками. Они давали немного света, но его было достаточно для того, чтобы Анджей мог разглядеть соседей, сидящих на трех лавках вдоль стенок фургона.

Все молчали. Кто-то сидел, понуро опустив взгляд, кто-то смотрел в пространство перед собой, ничего не видя, кто-то исподтишка поглядывал на соседей. Судя по всему, никто здесь не был знаком друг с другом. У самого Бжезневского за те несколько дней, что он провел в общей тюремной камере, тоже не было случая ни с кем сблизиться, да и смысла особого не было. Теперь другое дело — им предстояло провести долгие дни в тесном пространстве фургона.

«Надо бы познакомиться, — подумал Анджей, — дорога-то длинная.»

«Но как с ними общаться? На каком языке?» Сам Анджей знал три языка, на которых говорили в его окружении — немецкий, венгерский и польский. Знал он еще и французский, как любой отпрыск приличного состоятельного семейства. А они — его невольные попутчики? Кто они вообще?

Бжезневский стал внимательно разглядывать сидящих в фургоне, делая для себя предположения, кем они могут быть. Это была интересная игра.

Вот молодой парень — явно из солдатиков, бывших. Наверное, по глупости попался русскому патрулю где-то в Польше или на западно-украинских землях. Наверняка, и большинство других из тех же краев. Самые беспокойные для русских места. А это значит, что по-польски они должны знать.

А вот прилично одетый молодой человек чуть старше Анджея, судя по одежде — европеец. Немец?

Еще один — солидный господин с надменным выражением лица. Как он вообще попал в эту компанию? Кто он такой? Похож на спесивого польского шляхтича. Гонора с него русские еще не согнали.

«А сам я? — задумался Анджей, — Кем я им представляюсь?»

— Панове, — обратился он ко всем по-польски, — дорога, мне кажется, нам предстоит длинная. Не будем же мы все время молчать? Давайте, знакомиться. Я — Анджей Бжезневский, гусарский хорунжий в отставке. Австрийский подданный.

Представились и другие, но не все. Тот, кого Анджей про себя назвал «спесивым шляхтичем», не удостоил общество в тряском фургоне своим вниманием. Кто-то назвался просто именем, без подробностей.

Тот, кого Бжезневский посчитал немцем, оказался шведом Маркусом Винбланом. Он хорошо знал немецкий. Они разговорились и постепенно сблизились.

Бжезневский рассказал ему о себе, о своих «приключениях». Винблан — о себе. Он оказался лекарем, фармацевтом, знатоком лечебных трав и снадобий. В плен к русским попал, как он сам сказал, по недоразумению. Его позвали к раненному, оказать помощь. Это оказалась тайная конспиративная квартира польских националистов-патриотов, куда и нагрянули русские. Забрали всех. Особенно разбираться не стали. Попытка Винблана оправдаться тем, что он врач, медик, оказывал помощь больному, что он вообще не поляк, а швед, только ухуд-

шило его положение. Он и думать не думал, что русские плохо относятся к шведам. Лишь позже сообразил, что, если подумать, шведы воевали с русскими чуть ли не всю первую половину прошлого века. Вспомнить хотя бы Северную войну¹⁰, Карла XII, Полтаву. Да и позже их отношения трудно было назвать дружескими.

Дни тянулись тряской однообразной чередой. Долгие часы под мерный, неспешный топот лошадиных копыт перемежались недолгими остановками на то, чтобы оправиться и съесть скудную дорожную пайку. Ночевки в каких-то сараях на постоянных дворах, где меняли лошадей — на земляной пол бросали охапки сена и запирали на амбарный замок. Утром опять — в замкнутое и душное пространство арестантской кареты.

Карета... Это слово звучало как насмешка. В каретах, отделанных изящной резьбой с позолотой и обитых изнутри дорогой мягкой материей, разъезжают богатые дамы с кавалерами и короли с королевами... В их «карете» за решеткой окон тряслись на жестких досках несчастные арестанты, которых впереди ожидало печальное будущее...

Конвойные менялись приблизительно раз в неделю, как правило, в большом селе или городе, где были полицейские отделения с помещениями для арестантов.

Наступили жаркие дни второй половины мая. Солнце раскаляло фургон, внутри стояла пыль и удушающая жара — это добавило мучений арестантам. После второй недели дороги у некоторых стали сдавать нервы.

Первым был тот молодой парень, солдатик. Он вдруг забился в угол фургона и стал тихонько подвывать. Это было невыносимо. Анджей встал, подошел к нему, поднял, поставил на ноги, развернул к себе и отхлестал по щекам. У парня брызнули слезы, но он словно очнулся — пришел в себя и успокоился.

Вторым был невзрачный «тихушник», всю дорогу до этого сидевший, безучастно уставившись в стенку фургона и мерно раскачиваясь взад-вперед, сначала почти незаметно, потом сильнее. Вдруг он завыл и бросился на дверь фургона, стал колотить в нее, громко требуя выпустить его. Его пытались остановить, но он с кулаками бросился на тех, кто хотел его успокоить. Кое-как его скрутили. К этому моменту арестантская карета уже остановилась, конвойные открыли дверь и выволокли бедолагу наружу, избили до кровавых соплей и кинули обратно. Он затих. Лежал, скрючившись на полу...

Надо было что-то делать, чтобы все постепенно не сошли с ума в полумраке этого арестантского фургона. Надо было найти какое-то занятие. Анджей громко, чтобы все слышали, высказал эту мысль, и швед Винблан, немного подумав, подал хорошую идею:

— Раз уж мы в России, давайте учить русский язык.

Бжезневский согласился:

— А почему бы и нет? Полезно во всех смыслах.

Но для этого был нужен, если не учитель, то хотя бы тот, кто хорошо говорит на русском. И такой человек нашелся.

Как ни странно, но им оказался тот самый «тихушник» (он был поляком, звали Марек), которому крепко досталось от конвойных. Та встряска пошла ему на пользу — он стал вполне вменяем. А русский он хорошо знал потому, что много лет жил в России.

Методику предложил тоже Маркус Винблан. Она была проста — через польский, который все более или менее знали: задавали простые бытовые вопросы на польском, Марек переводил его на русский, тут же сами пытались отвечать на русском. Языки были близкими,

---

¹⁰ Северная война (1700—1721) — масштабный военный конфликт в Северной и Восточной Европе в первую очередь между Русским государством и Шведским королевством.

поэтому дело шло довольно быстро. Одновременно наращивался словарный запас, ну и другие премудрости: склонения, спряжения.

Чуть позже кому-то пришла в голову идея дополнить их учебу тем, что попробовать осваивать русский язык через всякие устойчивые выражения, пословицы и поговорки. Это оказалось очень эффективным и веселым. Было забавно и смешно, когда переводили на немецкий язык, например, такие выражения, как «обвести вокруг пальца» или «водить за нос».

Впрочем, большинству это все быстро надоело, и на этих своеобразных занятиях по русскому языку остались только Анджей и Маркус, которые продолжали «мучить» своего «учителя» Марека.

К тому моменту, как арестантская карета добралась до Вологды, они могли уже довольно бегло говорить по-русски.

С каждым днем Анджей все больше сближался с Маркусом. Общались они в основном на немецком, который оба знали прекрасно. Взаимопонимание и доверие между ними крепло день ото дня — общая невеселая судьба, как ни что другое, сближает. Они стали друзьями. Рассказывали друг другу о своем прошлом, размышляли о будущем — что их ждет впереди.

В одном из таких доверительных разговоров возникла тема, при обсуждении которой они поначалу переходили на шёпот. Маркус считал, что это излишне, так как он понял, что среди их попутчиков немецким языком владеют лишь они с Анджеем, а значит никто не поймет, о чем они секретничают. В конце концов, понаблюдав за теми, кто к ним прислушивался, Анджей согласился с Маркусом — никто не выказывал признаков того, что понимает то, о чем говорят эти двое.

А секретничали они вот о чем: побег!

Люди, по тем или иным причинам потерявшие свободу, делятся на два типа.

Первый — это те, кто смирился с неизбежностью, принял ее и продолжил жить в новых условиях, смиренно принимая дальнейшие удары судьбы.

Второй — те, кто, казалось бы, тоже принял неизбежное. А куда денешься?! Стену лбом не прошибить. Но для них принять — не значит смириться. Они тоже продолжили жить в свалившейся на них несвободе, но жить с постоянной мыслью о том, как вырваться, как сбросить оковы и вырваться на свободу.

Анджей Бжезневский относился ко второму типу. В доверительном общении со своим новым другом, шведом Маркусом Винбланом, обнаружилось, что он такой же. Нет, они не бунтовали, не дергались, никак не показывали своего свободолюбия. Их поведение внешне было ровным и спокойным, но внутренний их настрой, их мысли...

Их мысли работали в одном направлении — как обрести свободу. Они тихонько делились ими друг с другом, обсуждали, рассматривали разные варианты, обдумывали возможные решения этой непростой задачи.

Постепенно у Анджея с Маркусом сложилось общее понимание, как надо действовать, чтобы вырваться на свободу. Они увидели своими глазами, почувствовали на своей шкуре, какая это огромная страна — Россия. Их фургон каждый день проезжал верст сорок, позади остался целый месяц пути, и конца ему не было видно. Обратный такой путь по суше проделать двум беглым ссыльным было просто невозможно. Единственно возможный вариант — добраться до моря, и там на каком-нибудь иностранном корабле уплыть в Европу.

В силу своего знания географии они видели два направления к морям: на северо-восток — в Архангельск, и на северо-запад — в столицу этой огромной страны, в Санкт-Петербург.

Вариант с Архангельском они отбросили — туда гораздо сложнее добраться. Другое дело — столица. Сообщение в ту сторону должно быть гораздо интенсивнее, а следовательно, будет легче найти возможность добраться туда. Там большой морской порт, а значит там тоже

будет проще достичь своей цели — больше иностранных торговых судов, больше возможности уплыть на каком-то из них.

Решено! Их путь к свободе будет лежать через Санкт-Петербург. Путь этот четко делится в два этапа: первый — по суше до столицы, и второй — морем до Европы. Куда в Европу? Неважно. Хоть Швеция, хоть Дания, хоть Пруссия — там их уже не достанут русские.

Но как? Как добраться до столицы? Вот первый вопрос, на который им предстоит ответить. Увы, сейчас это сделать невозможно — у них было слишком мало информации. Решили так: прибудем на место ссылки, там осмотримся, изучим возможности и уж тогда...

Там же, по прибытии на место ссылки, придется каким-то образом решить и другой очень важный вопрос — финансовый. Без денег далеко не уедешь. Эта задачка казалась неразрешимой.

— Маркус, не вешай нос! Так, кажется, говорят русские, — Анджей подбадривал друга. — Что-нибудь придумаем.

Глава 7

В отпуск по ранению

— Ну-с, батенька, нечего вам здесь вылеживать — только койку занимать. Отправляйтесь-ка вы домой, к батюшке с матушкой. Царапина на боку затянулась. Руку так вот поносите еще недельки две, и будете, как новенький. Свежий деревенский воздух будет вам полезен.

Доктор Никольский, старичок с белой седой бородкой клинышком, с доброй улыбкой смотрел на подпоручика Тонкова. Тот стоял перед ним в госпитальном халате, с левой рукой на перевязи. Выслушав приговор столичного медика, Андрей вздохнул с облегчением — отпуск по ранению, две недели в деревне, в родовой усадьбе — это не самое суровое испытание. Время пролетит быстро, и снова в полк.

Через десять дней, проведенных в минском госпитале, ему разрешили отправиться в дорогу. Получил подорожную, распрощался и отбыл. Почти три недели в тряской бричке от одной почтовой станции к другой. Ночевка, смена лошадей и дальше. В самом конце мая подпоручик прибыл в Санкт-Петербург.

Дорогу раненая рука и бок перенесли неважно — воспалились и ныли противной тянущей болью. Пришлось терпеть. В столичном госпитале, куда он прибыл по предписанию из Минска, искушенные эскулапы заново обработали его раны, перевязали, и все наконец-то пошло на поправку. Слова доктора Никольского «заживет, как на кошке», которые он сказал подпоручику при поступлении в их военный госпиталь в Санкт-Петербурге, вполне оправдались.

Такой праздной, безмятежной жизни у Андрея Тонкова не было с самого детства. Тогда он носился по саду за бабочками, играл в салочки с деревенскими мальчишками, и Феня, дворовая девка, кормила его вкуснейшими пирожками с грибами, испеченными теткой Павлиной, ее матерью.

Особенно ему нравилось подшучивать, а точнее — издеваться, над своим кузеном, тёзкой Андрюшкой. Они были одноклассниками, но так как кузен был младше его на полгода, то Андрей логично считал себя старшим братом и главенствовал в их отношениях. Это его старшинство подкреплялось еще и тем, что отец Андрюшки был младшим братом графа Ивана Андреевича Тонкова — отца Андрея.

Кузены внешне были очень похожи и, чтобы их как-то различать, когда они оказывались в одном месте, а в детстве это бывало довольно часто, благо их усадьбы Завьялово и Хохлово были недалеко друг от друга, родные называли их Андрюша Первый и Андрюша Второй. Бедняге Андрюше Второму сильно доставалась от старшего двоюродного братика.

Несмотря на внешнее сходство, не было двух таких разных барчуков. Если старший, Андрюша Первый, был озорным и хулиганистым мальчишкой, то Андрюша Второй — умненьким пай-мальчиком, которому приходилось терпеть злые шуточки и постоянные подколки кузена. При этом он не обижался, любил своего двоюродного брата, считал лучшим другом и был верным товарищем по мальчишеским играм и забавам.

В их маленькой детской компании был еще один ангелочек: сестренка Андрюши Второго — Лизонька. Девочка была на три года младше мальчишек. Взрослые над ней ахали и охали, умилялись, восхищались и всячески ублажали. Мальчишки относились к ней свысока и немного пренебрежительно. Что с неё взять — девчонка! В обеих семьях Тонковых были и другие дети, но те были уж совсем маленькими, и для мальчишек они не существовали.

Лизу же кузены брали в свои игры — втроем веселее! Не во все, конечно — по деревьям она в своих кружевных платьишках и панталончиках не лазала и через костер не прыгала, зато

в прятки играла здорово! В большом барском доме она умела так ловко прятаться, что кузенам вдвоем приходилось здорово постараться, чтобы найти ее.

Шло время. Мальчишки выросли, и жизненные дорожки развели их в разные стороны. Андрей Первый пошел по военной линии — его отдали в морской кадетский корпус. Андрея Второго оставили дома на домашнее обучение. Ему приглашали лучших учителей и наставников — та ветвь Тонковых была вполне состоятельной — и дали прекрасное образование, а в дальнейшем его отправили в Санкт-Петербург и направили по дипломатической линии. Сейчас, к двадцати годам он стал уже коллежским секретарём¹¹ в департаменте по иностранным делам. Этому очень поспособствовали его способности к языкам, проявившиеся еще в детстве.

Подпоручик Тонков предавался приятным детским воспоминаниям, лениво раскинувшись в удобном плетеном кресле на открытой веранде барского дома в Завьялово — родовой усадьбе Тонковых. Взгляд радовался открывающемуся с веранды виду: слева от дома вниз к речке убегала липовая аллея, одетая в свежую листву конца мая, справа — зеленым ковром лежала широкая поляна, тоже спускавшаяся к реке и открывающая вид на заливные луга на том берегу реки и далекий лес, уходящий к самому горизонту.

На столике перед ним стоял поднос с графинчиком домашней настойки и стопкой, наполненной вишневого цвета напитком. Он с видимым удовольствием выпил его, поставил обратно и собрался было вернуться к своим воспоминаниям, но ему помешали — на веранду выбежала Параша:

— Барин, гости приехали! Ваша матушка просит вас в гостиную.

Андрей досадливо поморщился — его оторвали от приятной праздности, и вот теперь вместо этого ему, кажется, предстояло скучное времяпровождение с любезностями, натянутыми улыбками и разговорами о погоде, о видах на урожай и о прочих деревенских заботах. Хотя в гости ожидалась добрые родственники, но те милые дядюшка с тетюшкой наверняка стали скучнейшими стариками, а кузен с кузиной уже далеко не те веселые мальчишка и девчонка — друзья из детства. Ведь в двадцать лет семь лет, прошедшие с тех пор, как они виделись последний раз — это целая вечность!

— Хорошо. Все уже в гостиной? Передай матушке, что я сейчас выйду.

Он встал, прошел к себе, переоделся в более приличествующее приему гостей платье — старик Митрофаныч помог. Самому это было бы сложнее — рука заживала, но врачи советовали все же меньше ее беспокоить.

Митрофаныч поправил руку на перевези, и Андрей проследовал в большую залу.

Он знал, что в гости ожидался дядя, Петр Андреевич Тонков, брат его отца, с тетюшкой Ольгой Александровной, его супругой. Знал и то, что с ними будут их старшие дети, понимал, что это те самые мальчишка и девчонка из детства, и всё равно удивился, увидев в зале молодого парня в форменном сюртуке со знаками отличия дипломатического ведомства, и юную особу в элегантном платье.

«Ба! Да это же Андрюша Второй!» — воскликнул он про себя. «А кто же это? Неужели Лизонька? Та девчонка, с которой мы играли здесь в прятки?»

Рядом с братом стояла красивая девушка. Та девчонка из детства за эти годы расцвела и превратилась в очаровательное создание.

Когда Андрей подошел к ним, Лиза сделала изящный книксен, кузен с улыбкой протянул руку для пожатия.

— Лиза, тебя и не узнать — какая ты стала красавица! — искренне сказал Андрей.

Девушка смутилась, опустила глаза. Щечки ее порозовели.

---

¹¹ В соответствии с табелем о рангах гражданский чин «коллежский секретарь» соответствует военному чину «поручик».

Андрей Первый крепко пожал протянутую руку Андрея Второго. Тот легонько тронул руку кузена на перевязи, улыбнулся:

— С этой перевязью ты так эффектно и мужественно выглядишь — все дамы будут просто сражены. Заживает?

Андрею хотелось остаться с ними, но надо было поздороваться со старшими родственниками — с дядей Петром и тетушкой Ольгой. Они с хозяевами, Иваном Андреевичем и Анной Иоановной, вчетвером любезничали друг с другом чуть в стороне. Андрей Первый извинился — мол, надо поздороваться с дядей и тетей, и пошел к ним. Андрей Второй и Лиза последовали за ним.

Сразу стало шумно. Приветствия, радостные возгласы, вопросы-распросы, ответы, рассказы... Потом был обед, чаепитие на веранде. И разговоры, разговоры...

Андрею пришлось рассказать о своей службе, о своих приключениях в Луцке — о заговоре, о планах бунтовщиков, о том, как его ранили. В критические моменты дамы испуганно охали, Лиза прижимала руку с платочком к груди.

Андрей Второй (все быстро вспомнили эти прозвища и по-доброму смеялись этому) рассказал о своей дипломатической службе. По его словам — сплошная скука.

— Но! — сказав это загадочное «но», он остановился.

— Что же ты остановился, Андрей? — Иван Андреевич вопросительно посмотрел на своего племянника. — Раз уж начал, давай рассказывай.

— Ну... Думаю, это уже не тайна. Могу рассказать.

Он чуть помедлил, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Предстоит совершенно исключительное событие — первое кругосветное плавание русских кораблей, дальняя экспедиция на восток через Атлантику, Бразилию, Тихий океан. Исследование восточных владений Российской Империи. И при ней будет дипломатическая миссия. Её направляют для того, чтобы установить официальные отношения между Россией и Японией. И я приписан к ней, как один из кандидатов в свиту самого Николая Петровича Резанова, камергера двора Его Величества — он высочайшим указом назначен полномочным послом.

— Это ж замечательно! Это высокая честь! — было видно, что Иван Андреевич был рад и горд за племянника. — Но ты сказал «один из кандидатов». Значит, это еще не точно?

— Да, дядюшка. Там какая-то организационная неразбериха, то одно, то другое. Пока все утрясается.

— И когда же намечается отплытие?

— Через два-три месяца. Подготовка в самом разгаре. Вот отпустили перед экспедицией — побыть дома перед дальним плаванием. Экспедиция ведь может занять и год, и два.

Родители молодого дипломата поделились своими переживаниями — любимый сын отправляется в столь опасное путешествие на самый край света. Как он там будет? Он такой не приспособленный — тетушка даже всплакнула.

Молодежь оставила старших обсуждать свои дела, а сами пошли прогуляться по липовой аллее, спуститься к реке. Бывшее поначалу некоторое напряжение между ними уже прошло, и оба Андрея с Лизой были в замечательном настроении, шутили, смеялись... Только...

Лиза чувствовала какое-то непривычное волнение рядом с кузеном. Она его старательно скрывала за веселостью, но сердце отчего-то стучало при каждом его взгляде, прикосновении...

И Андрею было приятно в ее обществе, приятно видеть в ней, когда-то маленькой девочке из его детства, расцветший красивый цветок, полный невинной свежести, очарования и девичьей молодости. Ее взгляд волновал и беспокоил...

Провожая гостей, подвыпивший Иван Андреевич (домашняя настойка была уж очень хороша) все никак не мог распрощаться. Наконец Петр Андреевич, обнимая брата, сказал:

— Всё-всё, Ваня, давай — нам пора. Теперь мы вас ждем к нам! Будем ждать!
— Всенепременно!

Ответный визит в Хохлово, усадьбу Петра Андреевича, прошел по родственному — по домашнему уютно, душевно и тепло.

Андрею Первому было бы скучно, если бы не кузина — Лиза просто одним своим присутствием наполняла окружающий мир интересом, смыслом и очарованием. Андрей видел, что и она смотрит на него не просто, как на родственника и друга детства. Между ними установилась какая-то невысказанная, но уже ощутимая нежная связь. Словно какие-то невидимые тонкие ниточки протянулись между ними. Пока они были совсем тоненькими...

Но... Отпуск по болезни заканчивался. Рука уже была в полном порядке — сказались упорные ежедневные упражнения со шпагой. Ребро не ныло. Пора было уезжать в полк. Андрей Первый постепенно возвращался в подпоручика Тонкова.

Ему хватило ума и выдержки не форсировать отношения, нарождавшиеся между ним и Лизой, не смущать Лизу своим повышенным вниманием — ведь близкое расставание неизбежно. Он справедливо рассудил: не стоит делать его болезненным ни для нее, ни для себя. Тем более, что он видел в глазах Лизоньки глубокую печаль и близкие слезы, когда прощался с ней во время последнего визита в Хохлово.

Поэтому Андрей не стал затягивать момент расставания, вскочил в седло — он был верхом — и пустил коня в галоп. Долгие проводы — лишние слезы.

У Андрея Второго его отпуск перед дальним плаванием тоже заканчивался, и они с кузеном решили возвращаться в Санкт-Петербург вместе.

Простой дорожный экипаж с крытым верхом, снаряженный в Хохлово для Андрея Петровича, заехал за подпоручиком Тонковым в Завьялово, и следующие два дня в дороге до столицы кузены провели вдвоем. Здесь они смогли говорить один на один без посторонних ушей, и Андрей Второй поделился с двоюродным братом своей тайной, которую он скрывал от других: при родных он хорохорился, всячески показывал, как он гордится тем, что его возможно назначат в кругосветную экспедицию, а на самом деле... Не так-то уж он и хотел идти в это плавание.

Дело в том, что он боялся. Нет, он не был трусом или кем-то в этом роде. Просто он обнаружил, что, видимо, не создан для морских путешествий. В недавнем плавании по служебным делам в Гельсингфорс¹² он весь недолгий путь промучился морской болезнью. Теперь мысль о том, что ему предстоит месяцами плыть по морям-океанам, его совсем не радовала.

— Что мне делать, Андрей? — спрашивал он кузена.

Тот успокаивал его, приводил примеры того, как у некоторых его товарищей в морском кадетском корпусе, где он учился, тоже была морская болезнь. Но, помучившись первое время, они привыкали, и потом было все нормально — они становились настоящими «морскими волками».

— Так что... Просто терпение и еще раз терпение, мой милый кузен, и все океаны — твои! — старался подбодрить Андрея Второго Андрей Первый.

---

¹² Современный Хельсинки.

Глава 8

Остановка в Твери. Конец этапа. Побег

Месяц утомительного пути миновал. Шёл уже июнь. Все были измотаны дорогой. Но, как предположил швед Винблан, и, пожалуй, он был прав — это были лишь две трети их дороги до пункта назначения.

За оконцем кто-то разглядел заборы, неказистые деревянные дома. Потом колеса фургона затряслись по брусчатке и появились каменные строения. Все это были явные признаки того, что они въехали в какой-то относительно большой город. Из разговоров конвойных, сидящих на задке фургона (а их вполне можно было слышать внутри, когда те разговаривали достаточно громко), стало понятно — это Тверь. Все немного оживились.

Тот неразговорчивый надменного вида поляк, которого Анджей про себя называл «шляхтич», расклеил губы и негромко произнес, ни к кому не обращаясь:

— Матка боска¹³, наконец-то я скоро избавлюсь от общества этого холопского быдла.

Анджей этого не стерпел — подошел к нему и с размаху влепил по физиономии. У того носом пошла кровь.

— Были бы мы на воле, вызвал бы вас, пан — не знаю как вас там, на дуэль. Здесь все равны — нет ни господ, ни холопов.

Тот ничего не ответил, только подтёр кровь и со злобой оскалил зубы.

Вскоре арестантская карета прибыла на почтовую станцию и остановилась у ее ворот. Станция располагалась на рыночной площади. Здесь же были полицейское отделение, трактир, постоялый двор и напротив станции через площадь — вход на сам рынок. Площадь была вся заставлена разнообразными повозками: телегами, бричками, дрожками...

Дело шло к вечеру. На площади было довольно шумно. Рынок заканчивал работу — торговый люд закрывал свои лавочки, сворачивал торговлю. Кто-то уезжал в свою деревню на телегах, кто-то потянулся в трактир, расходились последние покупатели.

Всё это Анджей наблюдал через решетку окна, к которому он прильнул, с интересом рассматривая площадь. Послышалась возня с замком, дверь фургона открылась. Конвойные первым делом забрали «пана шляхтича» и куда-то увели. Причем все это они делали довольно почтительно.

И вот тут Бжезневского осенило. Всё сошлось. И то, что этот пан держался обособленно от других, и то, что конвойные к нему относились не так жестко, как к другим. Он был какой-то важной персоной! Да — арестованной, да — ссыльной, но важной. По всей видимости, это его переправляли куда-то из Киева под стражей в арестантской карете. Она предназначалась для него. А чтобы не гнать ее через всю страну фактически пустой, только с одним человеком, к нему и посадили их, интернированных. Вот откуда взялась эта привилегия для них! «Что ж, хоть за это ему можно сказать „спасибо“. А то бы топать нам всем пешком!»

Сдав ту важную персону местным полицейским, конвойные вернулись. Начальник конвоя, убедившись, что здесь все в порядке, снова ушел, на этот раз на станцию, долго о чем-то ругался с почтмейстером. Потом прошел на постоялый двор договариваться о постое. Обратно шел, вытирая пот со лба и громко чертыхаясь.

Наконец, конвойные вывели арестантов из фургона, раздали вечернюю пайку, завели в амбар по соседству с почтовой станцией (видимо, других мест для постоя арестантов не нашлось), закрыли широкую дверь и заперли ее на замок. По уставу у двери нужно было выстав-

---

¹³ Матерь Божья (пол.)

лять на ночь охранника, но конвойные делали это редко. Чаще просто проверяли, хорошо ли все заперто и отправлялись отдыхать. Как правило, «отдыхать» означало — заваливаться в ближайший трактир, заказать какой-никакой ужин и, конечно, большой штоф водки или дешевого самогона для экономии.

Так же было и в этот раз. Все были уставшими: и арестанты, и конвойные. Потому конвойные особенно спешили покончить со своими делами, наспех затолкали своих подопечных в амбар, закрыли на замок амбарную дверь и ушли в трактир.

Арестанты-ссылные устроились на ночлег, кто как мог. В амбаре были сложены мешки то ли с зерном, то ли с отрубями, то ли еще с чем. Кто-то сообразил сделать из них лежаки. Кто-то расположился на полу, подстелив какую-то рваную дерюгу, валявшуюся тут же в углу. Кто-то устроился на куче соломы у одной из стен.

Анджей отвалил несколько мешков с зерном от стены амбара, тоже намереваясь соорудить из них лежанку, и тут обнаружил в стене внизу у пола довольно большую дыру. Этими мешками она и была завалена. Дыра была достаточно широкой, чтобы через нее мог пролезть человек.

Анджей вернул один мешок обратно, закрыв им дыру. Здесь же устроил себе из других мешков удобное место для ночлега, лег, закрыл глаза и стал думать.

Летом темнеет поздно, поэтому прошло довольно много времени, пока в амбаре сгустилась кромешная тьма. Тьма и тишина — все уснули. Но не Анджей. Он по памяти, на ощупь добрался до того места, где лежал Маркус, тронул его, надеясь разбудить, и тут же зажал ему рот рукой: «Тсс...». Взял его за руку и провел к своему месту, туда, где под мешком спрятал дыру в стене. Отвалил мешок, показывая своему другу лаз, словно специально приготовленный для них.

— Что ты задумал? — шепотом спроси Маркус по-немецки. — Сбежать?

— Нет, это бессмысленно. Без денег, без подготовки, в чужой стране. Пойдем, просто прогуляемся.

— Ну и шуточки у тебя.

Но Анджей не шутил. Они по очереди пролезли через этот лаз наружу, встали, отряхнулись и глубоко вздохнули:

— Подышим немного воздухом свободы, — шутливым тоном сказал Анджей.

— Все-таки, что ты задумал? — требовал Винблан.

— Не волнуйся, Маркус. Не собираюсь я устраивать побег, хотя так и подмывает это сделать. Мы же с тобой это уже обсуждали. Давай еще раз подумаем: ну, вот выбрались мы из амбара, ну, допустим, раздобудем где-нибудь оружие, ну, там шпаги, пистолеты, ну, при необходимости помашем им, заколем пару-тройку полицейских, пальнем в конвойных. Ну и что дальше? В глубине огромной России, без денег, без знания местности, без знания местных порядков... Нет, тут надо придумать, что-то другое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.